

УДК 130.3

Маливский А. Н., Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта им. акад. В. Лазаряна

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ КАНТА КАК ПОИСКИ АУТЕНТИЧНОЙ ФОРМЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКИ

Учитывая насущную необходимость в современной культуре метафизического осмысления природы человека, укорененного в философском наследии Канта, автор сосредотачивает внимание на экспликации антропологической интенции знаменитых кантовских «Критик», акцентируя амбивалентность позиции философа на проблеме аутентичности метафизической антропологии.

Ключевые слова: метафизика, человек, метафизическая антропология, личность, свобода, наука, мораль, искусство.

Малівський А. М., Дніпропетровський національний університет
залізничного транспорту ім. акад. В. Лазаряна

ФИЛОСОФСЬКЕ ВЧЕННЯ КАНТА ЯК ПОШУКИ АВТЕНТИЧНОЇ ФОРМИ АНТРОПОЛОГІЧНОЇ МЕТАФІЗИКИ

Виходячи з запитаності в сучасній культурі метафізичного осмислення природи людини, укоріненого в філософському спадку Канта, автор зосереджує увагу на експлікації антропологічних інтенцій кантівських «Критик», акцентуючи амбівалентність позиції мислителя на проблемі автентичної форми метафізичної антропології.

Ключові слова: метафізика, людина, метафізична антропология, особистість, свобода, наука, мораль, мистецтво.

Malivskyi A. M., Dnipropetrovsk National University of Railway Transport
named after Academician V. Lazaryan

PHILOSOPHICAL DOCTRINE OF KANT AS FINDING AUTHENTICAL FORMS OF ANTROPOLOGICAL METAPHYSICAL

Contemporary culture needs metaphysical understanding of human nature based on the philosophical heritage of Kant. According to this assertion the author gives heed to explication of Kant's famous anthropological intention of his "critiques". The author focuses attention on the ambivalent attitude of the philosopher on the issue of authenticity of metaphysical anthropology.

Keywords: metaphysics, human, metaphysical anthropology, personality, freedom, science, morality, art.

*«Кожна людина – природжений метафізик:
вона – єдина метафізична істота на землі»
А. Шопенгауер*

Нынешний этап истории человечества характеризуется экспансией нигилизма и

усилением угрозы для духовных оснований цивилизации. Предпосылкой преодоления кризиса является истолкование его как переходного периода, в контексте которого нигилизм – форма запроса на инвариантные, метаисторические ценности и смыслы. Последнее возможно при условии, если воспринимать историю философии не только как линейный процесс восхождения к абсолютной истине (Гегель), но и как постоянно возобновляемую коммуникацию по поводу единой, перманентно воспроизводимой проблемы. Обозначенный подход в свое время разрабатывался Карлом Ясперсом в виде концепции «осевого времени». Содержательное разворачивание последнего предполагает сосредоточенность на проблеме предельных оснований отношения человека к миру как конденсированного способа фиксации целостного бытия.

Анализируя в контексте кризиса духовных оснований техногенной цивилизации истоки современных подходов и стратегий философского мышления, невозможно обойти вниманием творчество Канта, прежде всего – его постановку проблем природы и предназначения человека. Как известно, мыслитель называл вопрос о человеке последним и наиболее значимым из всех философских вопросов и в конце творческого пути намеревался изложить свое учение в принципиально ином виде с учетом ключевой значимости проблемы человека. И хотя его намерениям не суждено было сбыться, а учение так и осталось незавершенным, тем не менее, обращение к его наследию может быть полезным для осмысления истоков, тупиков и тенденций современных исследований.

Изучение исследовательской литературы свидетельствует о неудовлетворительном состоянии нынешнего уровня разворачивания антропологического проекта в философском наследии Канта, а одним из показателей этого выступает нигилизм отно-

сительно антропологической интенции в текстах знаменитых «Критик». Задача данной статьи – эксплицировать и осмыслить антропологическую интенцию, что предполагает: 1) реконструкцию основных моментов позиции Канта в понимании метафизики как учения о предельных основаниях отношения человека к миру на материале трех «Критик», 2) акцентирование внимание на проблеме аутентичной формы изложения метафизики как учения о человеке.

Внимательное отношение к философскому наследию Канта свидетельствует, что его ключевым стремлением является обнаружение такой формы метафизики, которая была бы репрезентацией целостности человеческого бытия.

Содержательное изложение позиции Канта по проблеме предельных оснований отношения человека к миру предполагает внимание к факту пристрастных упований и неискоренимой любви философа к метафизике на протяжении всего творчества. И хотя Кант известен как один из наиболее глубоких критиков и ниспровергателей традиционной метафизики, тем не менее, интерес к ней и признание конститутивной роли метафизики принадлежат к инвариантным моментам позиции мыслителя, которые не претерпели существенных изменений в ходе эволюции его взглядов. Их конкретизация предполагает осмысление изначальной направленности метафизики на благо, следствием чего является подчеркивание корреляции вопроса о возможности метафизики с вопросом о должном образе жизни человека. Уместным выглядит акцентирование внимания на факте воспроизведение одной и той же формулы благоговейного отношения к метафизике в письме докритического периода и затем, через два десятка лет, на страницах «Пролегоменов...». В первом случае в письме к М. Мендельсону от 8 апреля 1766 года Кант, вскоре после развенчания традиционной

метафізики как философской псевдонауки в памфлете «Грезы духовидца», признает насущную необходимость новой, доселе не существующей метафізики, от которой: «... зависит даже истинное и прочное благо человеческого рода» [1, с. 515]. На страницах «Пролегоменов...» вопрос о возможности создания метафізики как учения о предельных основаниях отношения человека к миру называется тем единственным критическим вопросом, «от ответа на который может зависеть наш образ жизни в будущем» [2, с. 89].

Возможность углубить понимание кантовского истолкования метафізики предполагает осмысление его благоговейного отношения к науке как проявлению божественных возможностей человеческого разума. Как известно, в тексте первой «Критики...» много внимания уделяется исследованию вопроса о природе научности и о необходимых условиях возможности преобразования метафізики в науку. Положительное решение упомянутой проблемы предполагает способность метафізики как науки выступать формой обобщения результатов, достигнутых в ходе осмысления природы морали, искусства, религии.

Обращение к наследию Канта свидетельствует о его полной уверенности в возможности положительного решения проблемы, о чем убедительно свидетельствуют его тексты. Но неоднократные попытки содержательного прояснения правомерности категоричных заявлений мыслителя относительно наличия у него ясности и определенности о путях создания метафізики как науки обнаруживается их безосновательность. Поэтому трудно не согласиться со справедливой констатацией А. Гульги относительно факта наличия в философском наследии Канта некоторых иллюзий по ключевым моментам его позиции: «...он разрушил все догматические построения в этой сфере, но дальше декларирования не-

обходимости новой научной философии не пошел» [3, с. 63].

Анализируя глубинные мотивы кантовской критики разума, прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что он является «несвоевременным» (Ницше) мыслителем, поскольку доминанты эпохи предполагают прежде всего рассмотрение человека как части природы, игнорируя специфику его как духовного существа. Для Канта же существенными и предпочтительными выступают те стороны природы человека, которые выходят за пределы исторического измерения эпохи и имеют надвременное значение – свобода, достоинство, вера, нравственность, личность. Иначе говоря, сознание собственной уникальности и неповторимости как исходный пункт его размышлений и побуждало сосредоточить внимание на рефлексии условий возможности их сохранения и развития.

Имея в виду постоянный и устойчивый интерес Канта к феномену человека, представляется уместным обозначить его в вопросительной форме, близкой к хорошо известным вопросам из первой «Критики». Если в ней речь идет об условиях возможности синтетических суждений априори в математике, в естествознании и в метафізике, то здесь – об условиях возможности свободы, веры, нравственности и личности.

Конститутивным условием современного прояснения позиции Канта является обращение к радикальным изменениям в способе философствования (метафізическим революциям), которые сопровождаются проблематизацией устоявшегося образа человека, усилением его внимания к самому себе, включая задачу самопознания. Показательно, что центральной фигурой древнегреческой философии как начала философствования он считает Сократа – одного из тех немногих мыслителей, кто содержательно предвосхитил проблематику «Критики практического разума»: «Важнейшая

эпоха греческой философии начинается, наконец, с Сократа. Именно он дал философскому духу и всем спекулятивным умам совершенно новое, практическое направление» [4, с. 337].

Акцентирование родственности позиций Сократа и Канта позволяет подчеркнуть еще один общий момент (чрезвычайно важный в контексте темы статьи), а именно – реализация задачи самопознания выводит философа за пределы общезначимых моментов (знания и морали) и приводит к постижению собственной уникальности и самобытности как конститутивных моментов постижения истины. Факт признания Сократом личностного момента мышления, то – есть открытие его детерминирующего значения для философского мышления, справедливо подчеркивается в историко-философской литературе: «Истинная мысль, показывают его разговоры, – не абстрактная идеальная сущность, а живой персонифицированный смысл», утверждает А. Доброхотов [5, с. 30].

По существу, как нетрудно заметить, речь идет о тенденции истолкования собственной неповторимости и уникальности мыслителя в качестве фундамента метафизических размышлений. Одно из определяющих препятствий на пути формирования упомянутой тенденции связано с тем обстоятельством, что осмысление философского наследия Канта в контексте реализации метаисторической задачи самопознания возможно при условии выхода за пределы стереотипов о самодостаточности гносеологии в Новое время. Среди других препятствий на пути осознания личностной укорененности метафизики в аутентичной форме заслуживают упоминания как предубеждения современной философии против метафизики, так и, как следствие, недостаточное внимание к факту существенного отличия глубинных идей классической философии от их культурных эквивалентов и

шаблонов.

Выход за пределы влияния упомянутых стереотипов открывает перед исследователями возможность интерпретации глубинных идей классической философии как формы фиксации и репрезентации свойственных человеческой природе ценностей и смыслов.

Осмысливая позитивную направленность позиции Канта в понимании природы человека, целесообразно обратить внимание на личностную ориентацию его этики. Метафизической предпосылкой личностно ориентированной этики Канта является представление о своеобразии природы тех вещей, которые являются предметом метафизики – идей Бога, бессмертной души и свободы. Резюмируя свою позицию, он приходит к выводу, что метафизика сверхчувственного возможна только при условии, если практический разум основывается на теоретически недоказуемом, но морально необходимом допущении трансцендентного – бытия Бога, свободы и бессмертия души. Сам мыслитель признавал невозможность и безосновательность содержательного прояснения этапов этого перехода от теоретического разума к практическому: *«как чистый разум может быть практическим, – дать такое объяснение никакой человеческий разум совершенно не в состоянии, и все усилия и старания найти такое объяснение тщетны»* [6, с. 308].

По существу речь идет о невозможности прояснить решающий момент его концепции – дать ответ на вопрос о том, каким образом воля человека становится разумной. В данном случае возможны два варианта поведения Канта: первое – поддаться искушению и довольствоваться постулатами о реальном существовании Бога и бессмертной души, второе – дальше работать над прояснением более глубокого теоретического исследования проблемы. Принято считать, что потребности обоснования соб-

ственных убеждений побудили его принять некоторые гипотетические положения в качестве истинных и несомненных. Речь идет о своеобразных парафразах позиции Сократа как этического рационалиста. Согласно Канту, речь идет о разумности доброй воли, об их отождествлении. Упомянутое тождество в литературе справедливо характеризуется как высшая точка, как сердце кантовской философии. Определенная искусственность подобного шага, идущего вразрез с исходными базовыми принципами критической философии, не могла остаться незамеченной уже прозорливыми современниками, которые восприняли и квалифицировали тезис мыслителя о «доброй воле» как новую мифологию и идолотворчество.

Но, отдавая должное истине и мужеству Канта как ученого, следует признать, что он, если и поддался искушению и остановился на отождествлении разума и доброй воли, то только в качестве привала перед подъемом на более крутые вершины. В пользу справедливости данного тезиса убедительно свидетельствуют более поздние работы, и прежде всего «Антропология...». Соглашаясь в целом с духом и содержанием возражений относительно обоснованности наиболее распространенных стереотипных оценок (формализм, антиэвдемонизм, ригоризм, практическое бессилие), трудно не заметить правомерность иного варианта их истолкования, которое исходит из факта несамодостаточности сферы практического разума в философском наследии Канта.

Но прежде чем в ходе поисков целостности человеческого бытия переходить к корпусу собственно антропологических произведений Канта, представляется целесообразным остановиться вкратце на содержании следующего этапа творческой мысли философа, посвященного осмыслению сферы искусства.

Предварительным условием ее тематизации является привлечение внимания к

существенному препятствию на пути адекватной рецепции как современности, так и предшествующих этапов истории. Речь идет о детерминирующем влиянии контекста техногенной цивилизации на способ восприятия мира и человека, проявлением чего является доминирование техноморфизма и, в частности, устойчивый стереотип о приоритетности инженерно-технического мышления перед художественно-образным. Интерпретация наследия кенигсбергского мыслителя в ключе представлений о безоговорочном доминировании научного мышления перед художественным – одно из ярких проявлений действительности упомянутого стереотипа.

К числу непреходящих заслуг и гениальных прозрений Канта, которые до сих пор недооцениваются в литературе, принадлежит понимание искусства как первичной формы осмысления и истолкования феномена человека. Факт приоритетности художественно-образного мышления в творчестве Канта и его независимость от науки не остался вне внимания исследователей биографии великого мыслителя. Знаковая роль принадлежит трактату «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного», на страницах которого философ выступает в необычном для себя жанре как эссеист. Здесь, как свидетельствует авторитетный биограф, существенно трансформируется стиль изложения собственной позиции автора, обретая неповторимые личностные черты – исчезает «восторженный пафос первых работ, появились юмор и ирония, слог обрел изящество и афористичность» [7, с. 65].

Анализируя сегодня философское наследие Канта, целесообразно помнить о первичности художественной интуиции в ходе осмысления проблемы предельных оснований отношения человека к миру. Этот момент был аксиоматичен для Канта как во время момента работы над текстом трактата,

так и в ходе работы над «Критиками». Прежде всего заслуживают упоминания третья «Критика» и «Антропология», многие страницы которых посвящены осмыслению феномена целесообразности в природе и культуре. Имея ввиду привлекательность для Канта идеи построения метафизики как науки, целесообразно обратить внимание на важность проблемы возможности сведения искусства к науке.

По мере усиления моментов научности во время работы над первой «Критикой», упомянутая проблема становится все более острой, хотя и находится на заднем плане в опубликованных при жизни текстах Канта. Современные исследователи стиля и формы кантовских произведений ученые указывают на сложность и неоднозначность позиции мыслителя. Рукописи черновиков содержат убедительные свидетельства в пользу тезиса о настолько сильной привлекательности идеи научности, что одно время Кант всерьез рассматривал идею о возможности построения метафизики по образцу алгебры, свидетельством чего в окончательном варианте текста выступает «трансцендентальное «х»».

Свидетельством драматической сложности и неоднозначности для Канта проблемы адекватного стиля и формы изложения метафизики является существование в истории философии двух основных вариантов ответа на вопрос о том, какое издание «Критики чистого разума» считать более аутентичным, первое или второе? Как известно, предпочтение первому изданию отдавали Шопенгауэр и Хайдеггер, второму – Гегель. В первом случае речь идет об образно-художественном мышлении, во втором – о научно-понятийном.

Исследуя эволюцию философских взглядов Канта, принято оценивать третью «Критику» как важный шаг на пути создания целостной системы, которая обрела зримые черты лишь после обнаружения

между миром природы как необходимости и свободы как каузальности через свободу своеобразного «третьего мира» – мира целесообразности, гармонии и красоты.

В контексте темы статьи эта работа Канта представляет для нас особый интерес как проявление кардинальных изменений в способе человеческого бытия, формой фиксации которых выступают ключевые категории. Отсюда более понятным и оправданным становится внимание мыслителя к мировоззренческой функции искусства, его конструктивному потенциалу и претензиям на роль аутентичной формы выражения предельных отношений человека к миру. Изменение мировоззренческих приоритетов Канта в ходе эволюции его взглядов остается незаметным в контексте техноморфизма. Если на страницах первых двух «Критик» фундаментальными категориями являются понятия необходимость и свобода, то на страницах третьей «Критики» Кант определяет способ бытия человека посредством искусства как «созидание через свободу». Однако здесь еще не обозначены ни кардинальные изменения в понимании предельных оснований отношения человека к миру, ни обделенная до определенного момента сфера реальности. Речь идет о выходе за пределы механического детерминизма и включение в число ключевых категорий понятие игры. В текстах двух первых «Критик» имеет место настойчивое стремление Канта изгнать его из сферы познания, которое так и не увенчалось успехом. На страницах же третьей «Критики» Кант вынужден признать невозможность преодолеть, изгнать момент неопределенности и характеризовать соотношение познавательных способностей – воображения и рассудка как «игру познавательных сил». Несколько позже, а именно – на страницах «Антропологии», понятие игры обретает более полные права и приобретает вид очередной антиномии в виде тези-

са «мы играем» и антитезиса «нами играют». Выражаясь языком Гегеля, искусство выступает в роли своеобразного синтеза.

В качестве иллюстрации ключевой роли понятия игры как своеобразной формы специфики искусства, которое претендует на место аутентичной формы антропологической метафизики, целесообразно отдельно остановиться на той переходной форме выражения Кантом своей позиции, которая осталась за пределами окончательной версии его системы. Речь идет о недавно напечатанных на русском языке конспектах кантовских «лекций по этике», которые основываются на непосредственных лекционных конспектах 1775–1781 годов. И хотя понятие игры явно не присутствует в тексте, оно незримо присутствует в качестве способа обозначения ключевого момента человеческого бытия. Имея ввиду изъяны существенного улучшения человеческой природы посредством дисциплины как внешней необходимости (внешнего принуждения), Кант тем не менее подчеркивает неизбежность принуждения, указывая на его парадоксальную природу – принуждение через свободу: «Человек должен быть дисциплинирован, потому что от природы он груб и жесток. Задатки человека могут быть цивилизованы лишь с помощью искусства. Природа животных развивается сама по себе, но у нас – при помощи искусства». Ниже еще раз акцентируется то важное обстоятельство, что действенный способ дисциплинирования базируется на способе принуждения, принципиально отличном от рабского [8, с.219].

И хотя в третьей «Критике» Кант сделал решительный шаг вперед за пределы наивного рационализма, понимание человека как разумного существа, предельные основания существования которого определяются велениями разума, наметив переход к более глубокому и содержательному пониманию человеческой природы, но содер-

жательно вопрос о предельных основаниях отношения человека к миру все еще не прояснен. Иначе говоря, определяющие мотивы человеческого поведения недостаточно эксплицированы, а задуманная им целостная метафизика как учение о предельных основаниях отношения человека к миру приобрела форму нереализованного проекта. Как оказалось, речь идет о чрезвычайно сложной задаче, поскольку перед исследователями возникают существенные, труднопреодолимые препятствия. Их содержательное изложение предполагает внимание к неизбывным сущностным изъянам человеческой природы. Имея ввиду последние, Кант утверждает, что задача совершенствования человеческой природы «самая трудная из всех», поскольку «из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого» [9, с. 19]. Приведенная афористичная форма фиксации апорийности задачи совершенствования человеческой природы позже обретет форму тезиса о неискоренимости злого начала из сущности человека и получит содержательное развертывание в незавершенной «Антропологии с прагматической точки зрения».

Подводя итоги исследования, представляется возможным констатировать:

– содержательной предпосылкой адекватного постижения критической философии Канта в начале XXI века является предварительное сосредоточение внимания на вопросах методологии, а именно – на той ключевой проблематике, которая (как вызов времени) определяет проблемное поле размышлений мыслителя. Речь идет о запросе на разработку антропологической метафизики, основным препятствием на пути формирования которой выступает распространенный стереотип о гносеологизме философии Нового времени;

– предпосылками формирования доминирующих в исследовательской литературе

истолкований метафизики Канта как науки выступают недооценка значимости антропологической интенции в наследии мыслителя и неоднозначность его позиции по вопросу о возможных вариантах аутентичной формы антропологической метафизики. Также представляется целесообразным упомянуть определяющее влияние контекста, а именно – преобладание в последующий период сциентистских настроений, которое сделало возможным существование устоявшегося мифа о нецелесообразности самой постановки вопроса о проблеме аутентичной формы антропологической метафизики;

– внимательное отношение к текстам Канта свидетельствует о: 1) наличии неискоренимого и неизбежного желания завершить собственное учение антропологической метафизикой и, 2) признании им правомерных претензий искусства на роль аутентичной формы антропологической метафизики. Внимание к последнему моменту дает возможность и открывает перспективу определить и осмыслить содержательную преемственность собственно метафизических трудов Канта и «Антропологии» (относительно метафизичности идей которой существуют определенные сомнения).

Конструктивное осмысление «Антропологии» является темой отдельного ис-

следования, которое позволит прояснить место последней в кантовских поисках обоснования антропологической метафизики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кант, И. Письмо к Мендельсону [8 апреля 1766 г.] // И. Кант. Трактаты и письма. – М. : Наука, 1980. – С. 514–518.
2. Кант, И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука / И. Кант // Соч. в 6 т., т. 4, ч. 1. – М., 1965. – С. 67–310.
3. Гулыга, А. В. Немецкая классическая философия. – М. : Мысль, 1986. – 334 с.
4. Кант, И. Логика. Пособие к лекциям 1800 // Кант И. Трактаты и письма. – М. : Наука, 1980. – С. 279–444.
5. Доброхотов, А. Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 248 с.
6. Кант, И. Критика практического разума. // Кант И. Соч. в 6 т., том 4, ч. 1. – М., 1965 г. – С. 11–501.
7. Гулыга, А. Кант. – М. : «Молодая гвардия», 1977. – 304 с.
8. Кант, И. Лекции по этике / Общ. ред., сост. и вступ. ст. А. А. Гусейнова ; пер. с нем. – М. : Республика, 2005. – С. 38–222.
9. Кант, И. «Идеи всеобщей истории во всемирно-историческом плане» / И. Кант // Соч: В 8 т. Т. 8. – М. : Чоро, 1994. – С. 12–28.

Надійшла до редколегії 05.09.2012.

Прийнята до друку 14.09.2012.